

Татьяна Лестева

ВСПОМИНАЯ ВИКТОРА ШИРАЛИ

*Звезда поэтического
андеграунда Ленинграда*

Пять лет тому назад 19 февраля 2018 года умер Виктор Гейдарович Ширализаде, поэт-авангардист, постоянный посетитель знаменитого, не менее чем «Бродячая собака», «Сайгона» — безымянного кафе на углу Невского (д. 40) и Владимирского проспектов (д. 2) при ресторане «Москва». Здесь с 1964 по 1989 г. собирался поэтический андеграунд Ленинграда, здесь и рядом неподалёку от кафе «Эльф» (Стремянная улица д. 9), в так называемом «Эльфийском садике», блистал певец любовной лирики Виктор Ширали в окружении восторженных поклонниц самого разного возраста и мироощущений. Моя жизнь с «Сайгоном» была никак не связана, иногда зайдёшь выпить чашку настоящего кофе, а вот имя Виктор — фамилия Ширали называлась не часто — виртуально шло рядом долгие годы.

Виктор Ширали

Окончив химический факультет Ленинградского университета в год «большой химии» — 1963-й, я была распределена в головной институт Миннефтехимпрома — ВНИИнефтехим, где на долгие годы близкой подругой стала Евдокия Викторовна Лазарева, коренная ленинградка, блокадница, в отличие от большинства сотрудниц института, элегантная женщина: «она казалась верный снимок du comme il faut, Шишков прости...». И как оказалось, любительница поэзии. Родственные души, одним словом. В отличие от меня, она стихи не писала, но была родной тётёй Виктора Ширали, и даже, если не ошибаюсь, его крёстной. Азербайджанец по отцу — Шир-Али-заде, — Виктор был крещён по православному

обычаю. Его мать — Мария Викторовна Лазарева, родная старшая сестра Евдокии, — родила его в канун Победы, — 7 мая 1945 года. Позже Виктор посвятит ей свою первую книгу «Сад» и в одном из стихотворений напишет:

*Я был подброшен родине блокадой.
Едва отголодав, мать родила меня.*

Я работала в лаборатории Марка Семёновича Немцова, получившего в 1966 году Ленинскую премию за пуск производства изопрена; в это время шла подготовка к пуску Тольяттинского и Волжского заводов синтетического каучука, последние пробег в опытном цехе Ефремовского завода... Командировки, командировки, командировки... Евдокия Викторовна занималась другой тематикой, в командировки на заводы не ездила. При встречах — обмен институтскими новостями и событиями культурной жизни. И неизменная тема — Виктор. Всегда только Виктор. Значительно позже появятся Витя, и Витюша, — но это уже будет относиться к сыну и внуку поэта.

«Виктор в ЛИТО у Татьяны Гнедич... Той самой, из рода Гнедичей!». «Виктор поступил в институт...». «Виктор бросил институт». «Виктор поступил в институт в Москве — во ВГИК». «У Виктора вышла первая книга “Сад” с предисловием Гнедич! Принесу, дам почитать». Приносит, читаю с интересом, возвращаю. «Виктор опять бросил институт, неинтересно ему, видите ли!». «Виктору отказала невеста, шёл по рельсам с её дачи пешком в город. В отчаянии. Не услышал гудка, был сбит электричкой!». «Были на концерте, где Виктор читал свои стихи. Аншлаг! Ему так аплодировали! Я даже не ожидала!» «Виктору дали рекомендацию в Союз писателей Вознесенский, Рождественский и Сулейменов. Не приняли!!!». «У Виктора вышла книга “Любитель” с предисловием Михаила Дудина». «Виктора приняли в Союз писателей!» «У Виктора родилась дочь». И так далее об основных этапах и перипетиях в его жизни. А их было немало.

После увольнения Евдокии Викторовны из института наши встречи продолжались уже у неё дома. Она с мужем — Мазовым Михаилом Васильевичем — тоже блокадником, кандидатом наук, доцентом жила в квартире на Набережной реки Карповки. В дни именин, рождения, праздники за столом встречались все их родственники и друзья. Здесь я познакомилась с сестрой Евдокии — Марией Викторовной, с Галиной Московченко — женой Виктора Ширали и их сыном Витей, с дочерью Виктора Дарьей Дезомбре,

вышедшей замуж за француза и живущей во Франции, русскоязычной писательницей детективов, издававшихся в России. Сам поэт такие праздники не посещал, сначала во избежание лишнего соблазна, потом уже не мог — не вставал.

Евдокия Викторовна была «литературным агентом» Виктора, Дарьи и моим. Витя покупал выходившие книги отца и Дарьи, а она дарила их своим друзьям и родным. У меня в это время выходили журналы, книги стихов, прозы и критики. Им была предназначена такая же судьба: Евдокия Викторовна раздавала их своим близким, чтоб читали, пополняли свои библиотеки. Оказалось, что вторая книга Ширали «Любитель» (Л.О. «Сов. писатель» 1989) с предисловием М. Дудина и иллюстрациями Гаги (Георгия) Ковенчука, кстати первого художника журнала «Аврора», была в единственном экземпляре только у самого поэта. Евдокия Викторовна принимает решение её переиздать, естественно за её счёт, и просит меня об этом. Нет проблем: набираю тексты сборника, сканирую иллюстрации, верстальщица моего журнала «На русских просторах» делает оригинал-макет, и возродился почти факсимильный «Любитель» на белой бумаге.

*Не новизны ищу, но повторений
Знакомых черт и дорогих движений.
И, видно, мне любить тебя судьба.
Ты так же утираешь прядь со лба,
Лицо протягивая к поцелую.
Люблю тебя, / В тебе любя другую.
Люблю тебя, двадцатое столетье,
Что и в тебя, / Как и в другие, вхож.
Что и в тебе / Моё мне солнце светит,
Что и в тебе / Я на себя похож.*

«Псковская композиция» (стр. 17)

*За всеми не угонишься, / Но всё ж,
Верши, поэт, последний свой гонёж.
За всеми не угонишься, / Но пусть
Тебя по ласкам знают наизусть.*

(Без названия, стр. 75)

Не забыта Т.Г. Гнедич. Прощание и с учителем, и с веком.

*К губам / Тяжёлую, / Набрякшую болезнью...
Венозный дряхлый шёлк / Приподнятой руки:
— Как полагаете, я поживу ещё?*

*(Хотя бы с год ещё / Так надобно и связно / Она жила.)
Железного среди.*

*Прощай, серебряный, / В лицейской позолоте!
И руки, сложенные на груди, / И век
Целую / На последней ноте. (Стр. 103)*

В 2013 году М.В. Мазов и Евдокия Викторовна спонсируют издание уникального фолианта, книги-альбома Виктора Ширали «Избранные стихотворения. Избранные возлюбленные. Избранные рисунки Елены Мининой» (СПб., ИПК «Вести», 348 стр.), в аннотации которой написано: «Книга состоит из разделов, посвящённых женщинам, спутницам поэта, которые на протяжении жизни вдохновляли его на творчество». Книге предпосланы три эпиграфа из стихотворений автора.

Остроумное кредо поэта.

1. Не называй любимых имена.

Была и есть любимая одна.

А имена ей разные дают. / — Ну, здравствуй!

Как теперь / Тебя / Зовут?

2. От отчества / И от отчеств

От таинств / Неба / И ядра

Отказываюсь, / То есть

Прячусь — / В тебя / Из моего / Ребра.

3. Как сказал мне когда-то Бог:

В каждой женщине есть свой прок.

Я ответил: / — Мерси боку,

Но не каждая баба в строку.

Сборник включает — не поленилась пересчитать — 11 разделов. Одиннадцать женских имён! В разделе «Оля Ефремова» есть любимое стихотворение Евдокии Викторовны «Романс».

Чернеют деревья, души осенний вид.

Чернеют деревья, дни певчие пропели,

И голубь на карниз осенним днём прибит.

Прости меня, моя весенняя невеста.

Прости меня, моя весенняя невеста.

Как бы хотелось мне женой тебя назвать!

Но надо ли тебе в душе осенней место?

И стоит ли тебе женой осенней стать? (...) (Стр. 245)

Евдокия Викторовна рассказывала, что Оля родом была из Сибири, кажется из Новосибирска, была студенткой. Виктор хотел на ней жениться, но чувство долга — бывает такое и у поэтов — взяло верх над любовью: по сравнению с ней — старик, уже больной, без работы и денег... и он сказал ей: «уезжай». Виктор, проводив её на вокзал, два дня пролежал ничком, ничего не ел и не пил. Оля жила в Новосибирске, вышла замуж, родила сына, назвала его Виктор и очень рано умерла. Вот такая романтическая история любви. Нет Оли, нет Виктора, а романс обрёл вторую жизнь: на стихи Ширали написал музыку бард-исполнитель Александр Джигит, друг Виктора и Гали Московченко, и он часто исполняет его на различных музыкальных площадках с неизменным успехом у публики.

Ещё раньше В. Ширали был отмечен Виктором (Леонидовичем) Топоровым, автором великолепной книги «Двойное дно», грозой петербургских писателей и писак, в книге «Жёсткая ротация» (СПб., «Амфора», 2007).

«Наш удел в этой жизни офсайт».

9 мая 2005 года исполнилось шестьдесят лет петербургскому поэту Виктору Ширали. Личный юбилей, совпав с общенациональным, обернулся скромным вечером в Музее Достоевского — на поэтической площадке, памятной прежде всего по «Клубу-81», в котором Виктор Гейдарович — как, впрочем, практически всюду — когда-то поучаствовал, но не прижился. Его всю жизнь любили женщины и не любили мужчины; его стихи — в авторском исполнении — нравились всем, но, перенесённые на бумагу, выглядели партитурой, а читать по нотам умеют, увы, немногие: поэтический слух куда большая редкость, чем слух музыкальный.

Ещё Ширали любили знаменитости — независимо от пола и возраста. Любили баловни удачи, заранее угадывая в нём и родню, и ровню. И он любил этих баловней — и посвящал им невнятные, как всё у него, но изумительные стихи. А вот с удачей не срослось.

Шестидесятилетие — по нынешним литературным меркам — юбилей пусть и не первый, но ещё вполне оптимистический. Бодрячки-стихотворцы живут и по семьдесят! И по восемьдесят! Живут и пишут! Живут — те, что на виду, — хорошо, а пишут плохо. Живут вкусно, а пишут пусто.

Ширали живёт и пишет в ежедневном и ежечасном ожидании смерти: он то призывает её, то удивляется (но никогда не радуется) очередной отсрочке. Правда, недоброжелатель непременно отметил бы, что в таком режиме поэт живёт уже сорок лет.

*Переживая жизнь мою, / Добейся, милая, удачи,
Засмейся там, где я не плачу, / Пою громко там, где я пою
Вполголоса, / Где напеваю. / Моё молчанье просвисти
И лучше вовсе пропусти / То место, где я умираю.*

(«Романс», 1969)

Смерть пришла, но оказалась не биологической и не творческой, а сугубо профессиональной: о Ширали забыли. “Заслуженно забытый Ширали”, — написал о нём сорокалетний поэт-графоман, с переменным успехом выдающий себя за независимого литературного критика. Забыли настолько, что вычеркнули — и из живой поэзии, и из её поминальных списков. Забыли даже ровесники, пребывающие ныне в некоторой, скорее анекдотического свойства, моде. Ширали пишет, его печатают, но печатают исключительно питерские “толстяки” — а это ведь равнозначно свидетельству о литературной смерти.

Ширали выпускает книги — прекрасные книги, остающиеся, естественно, незамеченными. К шестидесятилетию издал полное собрание стихотворений — “Поэзии глухое торжество” — с парадным до пародийности предисловием некоего Г.И. Биневича и с иллюстрациями работы известных художников. Пристойным на сегодня тиражом в 500 экземпляров. Для тех, кто умеет читать по нотам или готов притвориться, будто умеет.

У забвения — или, как пишет сам Ширали, у пожизненного офсайта — немало причин, и не все они сводятся к комплексу Сальери, бушевающему собратьев по поэтическому цеху».

Но вспомню Е.В. Лазареву — «литературного агента». Я отвечала ей той же «монетой» — давала книги почитать знакомым и друзьям, и, в первую очередь, профессиональному критику — Геннадию Мурикову, члену редколлегии журнала «На русских просторах», колумнисту «Невского альманаха». Он написал несколько рецензий и о В. Ширали, и о Д. Дезомбре, опубликовав их в журналах и интернете. Цитирую статью Мурикова «Виктор Ширали и эротика» (2017 год):

«... Виктор Ширали многообразен. (...) он подводит некоторые итоги своей поэтической деятельности. Поэтому наряду с библейскими ассоциациями и авангардными изысками прежних лет он включает в сборник и простые стихи, написанные в самой традиционной манере. Но посвящены они той же ключевой для поэта теме — теме любви. Чувствуется, как дорога автору героиня его послания: “Чернеют деревья, глаза мои осени...” Но всё же глав-

ное в творчестве В. Ширали — это его любовная лирика, хотя подчас она бывает экстравагантной:

*Можно жить уже и своею топкой, / И своими огнями,
Впрочем, я никогда не брал / Огня напрокат.*

В этом весь Виктор Ширали — он входит в женщину, как большой корабль, и не берёт огня напрокат, поскольку в его “топке” всегда горит божественная “искра”.

Конечно, поэт далеко не молод, но творческая божественная искра, о которой мы упомянули, его не оставляет».

Книгообмен у Евдокии Викторовны шёл весьма активно. Однажды у меня дома раздался звонок. Позвонил Виктор Ширали, прочитавший мои стихи, со словами, что они ему понравились. Не скрою, оценка независимого поэта мне была приятна. Позже я была приглашена на его день рождения. Мы жили в Московском районе: он с Марией Викторовной, женой Галей и чёрной кошкой Боней в трёхкомнатной «хрущёвке» на Благодатной улице, я — по соседству на улице Победы. За накрытым столом собрались сын Витя, все родственники поэта, друзья, отец — духовник. Виктор полулежал на диване, перед которым стоял журнальный столик с бутылкой коньяка. Тосты, пожелания, стихи и неизбывная грусть в душе.

Поэту нужен читатель. В последние годы музы буквально слетались к нему, чуть ли не ежечасно. Он писал, читал Гале и Марии Викторовне написанное, часто звонил мне — я работала дома, так что всегда могла не только ответить, но и послушать новинки. Восприятие поэзии всегда индивидуально, стихи, на мой взгляд, должны вызывать ответный отклик — сопереживание. Мне и из более ранних стихов нравились далеко не все. А в последние годы у него всё чаще возникала тема богоискательства, причём это не всегда было православие, в это время он написал, например, стихотворение «Аллах Акбар!».

*Аллах Акбар! / И Господи спаси.
Живу / На лбу зелёная повязка.
Но и с крестом / Что прижил на Руси,
Евангилье / Что превратилось в сказку.
Аллах Акбар! / Прелестен мир, но подл.
Я почитаю Бога и Пророка.
Я залезаю матери в подол.
Знакомо всё / И так же одиноко.*

*На все четыре источаю свет.
Стоят ветра, и звёзды зиждут с неба.
Я забываю, кто из нас был Бог,
А кто из нас и человеком не был.*

Стихи последних лет Галя собрала в последнюю прижизненную книгу Виктора с многозначительным названием «Старость — это не Рим». По просьбе Евдокии Викторовны мы с Галей готовили её к изданию. Галя записывала и присылала текст, я читала, пересылала верстальщице, потом вёрстку отправила в типографию, где в то время мы издавали журнал «На русских просторах». Увидев в самом начале работы ошибки, позвонила Гале узнать, нужно ли их исправлять? «Ни в коем случае, Виктор не разрешает менять в стихотворении ни единой точки». Так что «Старость...» издана в авторской редакции небольшим тиражом в 100 экземпляров с трагической фотографией на чёрной обложке автора, закрывающего пальцами лицо. Книга представляет фактически рукопись, не помню, почему, но Евдокия Викторовна сказала, что присваивать ISBN не нужно. Я не помню, делали мы обязательную рассылку этого издания или нет. Пробежалась по каталогам: ни в РГБ, ни в РНБ, ни в Центральной библиотеке им. В.В. Маяковского в Петербурге её нет, как, впрочем, и уникального фолианта «Виктор Ширали. Избранные стихи...» 2017 года. А жаль...

Сборник «Старость...» открывается посвящением автора своей тёте: «Евдокии Викторовне Лазаревой с любовью».

*Не наблюдай года, / Пускай проходят мимо.
Года не радуют, / Но что тебе года.
Ты смолоду была красива,
Теперь прекрасна, словно молода.*

Предпоследнее стихотворение также посвящено ей с мужем Мазовым М.В., в течение долгих лет оказывавшим духовную и материальную поддержку поэту.

*Брошу в печку дров полешку / Разожгу огонь свечой
Жил по-всякому, но честно / Дверцу фартуком прикрой (...)*

Евдокия Викторовна
Лазарева с мужем

*Вспомним молодые годы / Князем я а ты княжна
Сколько кончилось народу / Жизнь уже едва слышна
Ну а мы прижав друг к другу / постаревшие сердца
Будем слушать снег и вьюгу / Будем слушать без конца.*

В стихах этой книги поэт часто обращается к прошлому, вспоминает ушедших Б. Ахмадулину, Юрия Алексеева (1947–2015), также «птенца» ЛИТО Т.Г. Гнедич, не забывает «человек двадцатого» одну из основных тем своей лирики — Город: любимый Ленинград и невоспринимаемый Невский в иностранной рекламе.

*Я человек двадцатого / Мой век заканчивался
Россия дохла / Я пил по-чёрному / Слабейший человек (...)
Я был один / Бранил я Господа / Но он меня не слышал
Я был себе Господь и господин / И в музыку вникал
Что доносилась свыше / Я был Господь / Я на кресте старел
Кончался век / Но я его не слышал / Я был в себе
Слабейший человек / И музыку писал
Что доносилась свыше.*

Сакраментальная тема смерти — «Умирая умирай. Незачем тянуть резину...» — поэт предсказывает дату смерти:

*Я умер по весне / Когда снега сходили
И мёртвая река / Вновь оказалась в силе...*

Виктор Ширали немного ошибся: он умер в феврале за девять дней до наступления весны. Бог услышал одну из его просьб (Виктор Ширали, «Избранные...», 2017 г., с. 327):

*Скорбит душа. Воняет плоть.
Опреди меня, Господь.
Налажена петля, взведён курок.
Опреди меня, мой Бог.
Мне длиться тяжело. Не прожить и дня.
О Господи! Опреди меня.*

Бог «опередил». Похоронили Виктора Ширали (некоторое время после развода родителей он был Лазаревым) на Киновеевском кладбище в Петербурге, на том самом, куда в холодные зимние дни 1942 года в заблокированном Ленинграде две сестры Лазаревы — Маша с Дусей — на санках везли гроб с останками своего отца — Лазарева Виктора Степановича, деда Виктора Ширали по материнской линии. Семьдесят шесть лет спустя они же, правда, в окружении своих близких и друзей хоронили тоже Виктора, но

сына и племянника. Было очень холодно, гроб не входил в яму — рабочие не учли, что гроб с позолоченными ручками, кирками долбили промёрзшую землю минут сорок. Провожающие замёрзли. «Это Виктор решил пошутить», — постарался разрядить обстановку бард Александр Джигит. Но я думаю, что он ошибался. Это была не шутка, а прощание Виктора Ширали, которое он предвидел.

*Посидим перед дорогой
Долог путь
Кремниста суть
Звёзды светят понемногу
и в прожитом в жизни жуть
Дьявол сбоку / Ангел слева
Бог поверху / Благодать (...).*

Виктор Ширали отправился в этот путь первым, за ним вскоре последовали Михаил Васильевич Мазов и Евдокия Викторовна. Последней на 96-м году жизни умерла Мария Викторовна Лазарева, мать поэта.

Санкт-Петербург, февраль 2023 года

Метаморфозы

*Когда умру, не превращусь в червя,
А в бабочку, красавицу, Психею.
Я крыльшек дотронуться не смею,
Хотя она — душа моя*

*Когда умру, войду в гончарный круг
И под руками мастера осилю
Мой бесконечный, пагубный мой бег,
До бабочки дотронуться не смея.*

*Когда умру, войду в струи фонтан,
И выбросив, как только я умею,
На радость отцветающим цветам,
До бабочки дотронуться не смея.*

*Закончен ход часов, и стрелки стали в полночь.
Но быть ночным полночным не умею.
Скажу судьбе: поганая ты сволочь,
До бабочки дотронуться не смея.*

Виктор Ширали